

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ДРАГУНАХЪ.

Devenez l'artisan de votre destinée.

Полагаю извѣстнымъ большинству, что драгуны составляютъ особый родъ войска, предназначеннаго для дѣйствій какъ въ конномъ, такъ и въ пѣшемъ строѣ.

Такъ какъ случаи, требующіе дѣйствій спѣшенныхъ драгунъ, большею частью встрѣчаются на пересѣченной мѣстности, то драгуны получили, въ прошедшемъ году, новый уставъ, уничтожившій назначеніе ихъ для дѣйствій вмѣсто линейной пѣхоты, для которыхъ они отчасти въ прежнее время также предназначались. Вслѣдъ затѣмъ было получено въ полкахъ нарѣзное оружіе, и, съ увеличеніемъ своего числа (*), драгуны приобрѣли новое, болѣе важное значеніе въ рядахъ нашей арміи.

Долгое время драгуны играли весьма незавидную роль: на нихъ смотрѣли какъ на какихъ-то полу-кавалеристовъ. Дѣйствительно, съ тяжелымъ своимъ вооруженіемъ они всегда стояли ниже легкой кавалеріи, но не были въ состояніи замѣнить

(*) Высочайшимъ повелѣніемъ, изложеннымъ въ приказѣ г. военнаго министра отъ 18 сентября 1856 года, сформированы полки: Елисаветградскій, Украинскій, Новомиргородскій, Новоархангельскій, Черниговскій, Нѣжинскій и Арзамасскій, а передъ тѣмъ, для кавказской арміи, полки: Сѣверскій и Переяславскій.

кирасирь; какъ пѣхота, они имѣли слишкомъ мало случаевъ выказать пользу своего оружія, да и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ, при неправильной своей организаціи, съ плохими ружьями, заставляли сомнѣваться въ пользѣ своего существованія. Но главную причину ихъ несовершенства объясняютъ слѣдующія слова барона Медема («Военный Сборникъ» 1859 г., № 2, стр. 409. «Нѣсколько словъ о конной артиллеріи» и пр.).

«Драгуны, имѣющіе, подобно конной артиллеріи, двѣ специальности, оставались болѣе вѣка неспособными соотвѣтствовать своему назначенію единственно по той причинѣ, что всегда одна какая нибудь изъ двухъ специальностей имѣла у нихъ рѣшительный перевѣсъ надъ другою». (*)

(*) Вотъ что говорить объ этомъ оружіи генералъ Жоини (*Précis de l'art de la guerre. Ch. V, P. 393*).

«Миѣнія о драгунахъ будутъ вѣчно различны; въ одномъ только соглашались, что было бы полезно имѣть нѣсколько баталіоновъ конной пѣхоты, которые могли бы предупредить непріятели при занятіи дефиле или лѣса, защищать ихъ при отступленіи. Но образовать кавалерію изъ пѣхотинцевъ или имѣть солдатъ, одинаково способныхъ къ обоимъ оружіямъ, кажется, довольно трудно. Участь французскихъ пѣшихъ драгунъ достаточно доказала бы это, еслибъ, съ другой стороны, турецкая кавалерія не сражалась съ одинаковымъ успѣхомъ и верхомъ и пѣшкомъ. Говорили, что главное неудобство этого войска состоитъ въ томъ, что утромъ имъ нужно проповѣдывать о невозможности, никакому каре, устоять противъ ихъ натиска, а вечеромъ, что пѣхотинецъ, вооруженный ружьемъ, долженъ опрокинуть всѣхъ возможныхъ кавалеристовъ. Этотъ доводъ болѣе вычуренъ, нежели справедливъ, и, вмѣсто того, чтобы проповѣдывать имъ такіа противорѣчающія истины, было бы полезнѣе сказать, что если храбрые кавалеристы могутъ разстроить каре, то и храбрые пѣхотинцы могутъ отбить ихъ атаку; что побѣда не всегда зависитъ отъ прѣвосходства оружія, а отъ множества обстоятельствъ; что храбрость войска, присутствіе духа начальниковъ, во время сдѣланный маневръ, дѣйствіе ружейнаго и артиллерійскаго огня, дождь, даже грязь способствовали удачамъ и неудачамъ; но что вообще храбрый, пѣшій или конный, всегда побѣдитъ труса. Развивая подобныя мысли въ драгунахъ, они могутъ считать себя выше своихъ противниковъ, въ обоихъ случаяхъ, въ которыхъ могутъ быть употреблены. Такъ дѣйствуютъ Турки и черкесы, кавалерія которыхъ часто спѣшивается, чтобы драться въ лѣсахъ или за другимъ прикрытіемъ, съ ружьемъ въ рукѣ.»

И далѣе:

«Какъ бы то ни было, но полкъ драгунъ, прикомандированный къ каждому пѣхотному и кавалерійскому корпусу, равно къ авангарду и арьергарду, могъ бы быть полезнымъ. Напротивъ того, формируя цѣлыя драгунскія дивизіи, отнимаютъ возможность употреблять ихъ какъ пѣхоту, въ рѣдкихъ случаяхъ, когда бы это сдѣлалось нужнымъ. Въ такомъ случаѣ, было бы полезнѣе преобразовать ихъ въ уланы.»

Въ 1833 году, при общемъ переформированіи нашей кавалеріи, былъ составленъ драгунскій корпусъ, считавшійся однимъ изъ резервныхъ и состоявшій изъ двухъ дивизій, каждая въ четыре десяти-эскадронные полка. Въ каждомъ полку одинъ (пятый) дивизионъ имѣлъ пики.

Образованіе этого корпуса, по тогдашнимъ современнымъ требованіямъ, стояло выше всякой похвалы. Ъзда была доведена до малѣйшихъ тонкостей и была лучше, чѣмъ въ другихъ кавалерійскихъ корпусахъ; люди были выправлены и исполняли всѣ пѣшія требованія не хуже любаго гвардейскаго пѣхотнаго полка. Нельзя, наконецъ, не сознаться, что эволюціи, производимыя въ то время драгунами, были исполняемы удивительно отчетливо; но врядъ ли онѣ принесли бы существенную пользу въ военное время. Корпусъ въ десять тысячъ лошадей пускался въ карьеръ, быстро спѣшивался, и не успѣвала еще осѣсть пыль, поднятая его скокомъ, какъ уже двигались стройные, пестрые баталіоны, съ барабаннымъ боемъ и прикрытые съ фланговъ своими пикинерными дивизионами. Раздавался сигналъ, подскакивали коноводы, и пѣхотные баталіоны въ одно мгновеніе превращались опять въ прекрасные кавалерійскіе полки. Этой немовѣрной стройности болѣе всего добивались и достигали ея, правда, цѣною огромныхъ трудовъ, но достигали вполнѣ. Разумѣется, что и тогда требовали отъ драгунъ дѣйствій въ разсыпномъ строѣ; но такъ какъ смотры производились большею частью въ сомкнутомъ, да и самое вооруженіе гладкоствольнымъ оружіемъ болѣе ему соотвѣтствовало, то главное вниманіе ближайшихъ начальниковъ было постоянно обращено на него.

Итакъ, хотя, повидимому, драгунскій корпусъ и былъ одинаково образованъ въ обѣихъ своихъ спеціальностяхъ, но пѣшее его образованіе не могло принести особенной пользы, такъ какъ драгуны, въ этомъ случаѣ, должны быть предназначаемы для дѣйствій на пересѣченной мѣстности или за другимъ прикры-

Кавказскіе горцы и Турки, которыхъ генералъ Жоини ставитъ въ примѣръ европейскимъ драгунамъ, никогда не дѣйствовали пѣшкомъ въ сплошной массѣ, предпочитая разсыпной строй, да и спѣшивались только на мѣстности, доставлявшей имъ удобное прикрытіе. Превжніе драгуны были неправильно организованы; теперешнихъ нельзя сравнить даже съ горцами, не говоря уже о туркахъ. Взглядъ автора на положеніе драгунъ въ арміи очень вѣренъ: они не приносили пользы, составляя отдѣльный корпусъ. Теперь эта ошибка исправлена.

тѣмъ, гдѣ нужна не стройная масса, а мѣткая пуля. Одна изъ причинъ неспособности спѣшенныхъ драгунъ къ удару сомкнутой массой состоитъ въ томъ, что подобныя дѣйствія почти неизменно влекутъ за собою значительную убыль въ людяхъ, отчего столько же лошадей останется безъ всадниковъ. Это опять поведетъ къ безпорядку, который можетъ быть окончательно гибельнымъ для нихъ въ случаѣ малѣйшей неудачи.

Въ 1856 году, драгуны были переформированы и съ добавленіемъ къ девяти (*) существовавшимъ полкамъ другихъ девяти, вновь сформированныхъ, вошли, побригадно, въ составъ семи легкихъ кавалерійскихъ дивизій. Остальные четыре полка находятся при кавказской арміи.

Почти во всѣхъ европейскихъ войскахъ, назначеніе и организація драгунскихъ полковъ различны. Такъ, напримѣръ, въ Австріи они составляютъ нѣчто среднее между тяжелою и легкою кавалеріею, подходя, впрочемъ, болѣе къ первой; французскіе конные егеря и прусскіе драгуны, напротивъ того, составляютъ самую легкую кавалерію. Въ строгомъ смыслѣ, наши драгуны, будучи обременены тяжелымъ вооруженіемъ, нѣсколько сходны съ австрійскими. Между тѣмъ, мнѣ кажется, что цѣль нашего правительства, при переформированіи драгунъ, была: назначить ихъ преимущественно для самой легкой службы (**), требующей большой подвижности, для малой войны, къ которой они должны быть особенно способны. Ниже я постараюсь указать на средства, какими можно нѣсколько облегчить драгунъ.

Я вполне согласенъ съ замѣчаніемъ г. Золотарева (***) («Военный Сборникъ» 1858 года, № 3, «Замѣтки о современномъ со-

(*) Девятый полкъ былъ знаменитый Нижегородскій

(**) Уставъ для спѣшенныхъ драгунскихъ полковъ. 1858 г.

§ 1. Существенное назначеніе драгунскихъ полковъ есть служба кавалерійская. Они спѣшиваются только въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣтится надобность замѣнить временно отсутствіе пѣхоты, и притомъ не иначе, какъ на мѣстахъ пересѣченныхъ, гдѣ дѣйствіе въ конномъ строю невозможно; напримѣръ: для защиты или атаки деревни, для дѣйствія въ лѣсу, для защиты или атаки тѣсинъ разнаго рода. Во всѣхъ же случаяхъ, когда драгуны находятся на мѣстности, допускающей употребленіе коннаго строя, ихъ должно употреблять какъ кавалерію, будетъ ли противъ нихъ пѣхота, или кавалерія.»

(***) Г. Золотаревъ, вѣроятно, извинитъ мнѣ, если я, не подвергая всей его статьи разбору, позволю себѣ сдѣлать замѣчанія только на нѣкоторыя изъ его мыслей.

стояніи нашей кавалеріи», статья первая, стр. 42), что драгуны должны быть употребляемы для аванпостовъ, гдѣ они, помощью своихъ штуцеровъ, могутъ быть особенно полезны. Для ударовъ въ бою у насъ есть въ каждой легкой дивизіи по четыре полка, собственно для того предназначенныхъ; случаи же употребленія спѣшенныхъ драгунъ, даже и при дѣятельномъ употребленіи ихъ, встрѣчаются не каждый день. По моему мнѣнію, малая война и аванпосты—вотъ два настоящія ихъ поприща; но и для этихъ дѣйствій у насъ преимущественно употребляютъ козаковъ, и теперь драгуны не въ состояніи ихъ замѣнить, потому что слишкомъ тяжелы. Для успѣшнаго ихъ дѣйствія необходимо, кромѣ того, чтобы хотя одни наѣзники умѣли ловко стрѣлять съ коня. У насъ вообще полагаютъ, что стрѣльба съ коня изъ драгунскаго ружья почти невозможна, и отъ драгунскихъ полковъ ея совершенно не требуютъ. Я убѣдился на опытѣ, что стрѣльба съ коня хотя далеко не такъ дѣйствительна, какъ пѣшая, но, во всякомъ случаѣ, гораздо выше стрѣльбы изъ короткаго карабина, употребляемаго въ гусарскихъ и уланскихъ полкахъ. Я говорю, разумѣется, о стрѣльбѣ съ коня стоя на мѣстѣ, когда всадникъ имѣетъ возможность вѣрно прицѣлиться; стрѣльба на ходу слишкомъ мало дѣйствительна, но обученіе ей приноситъ пользу, развивая ловкость и самоувѣренность какъ солдата, такъ и лошади. Теперь драгуны занимаютъ передовую цѣпь только для обозрѣнія мѣстности (это, впрочемъ, весьма примѣнимо и къ остальной кавалеріи); но увѣренность наѣзника, что онъ можетъ, при случаѣ, обмѣняться удачнымъ выстрѣломъ съ противникомъ, возвышаетъ его духъ. Сниманіе и забрасываніе ружья за плечи и теперь не представляетъ особеннаго затрудненія, но было бы совершенно легко, еслибъ драгунъ избавили отъ касокъ. Наконецъ, примѣромъ въ этомъ случаѣ намъ можетъ служить почти вся заграничная кавалерія, имѣющая драгунскія ружья, гдѣ на эту стрѣльбу обращено должное вниманіе.

Много у насъ писали, толковали и наконецъ, кажется, доказали, что кавалерія, съ усовершенствованіемъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія, еще не утратила своего значенія. Спорили, разумѣется, о кавалерійскихъ атакахъ, такъ какъ на нихъ собственно можетъ имѣть особенное вліяніе штуцерный огонь; остальные дѣйствія кавалеріи не могли измѣниться. Въмѣстѣ съ тѣмъ и драгуны, какъ кавалеристы, далеко не утратили своего

значенія, какъ нѣкоторые это предполагаютъ, вслѣдствіе того, что они не имѣютъ пики. Можно произвести удачную атаку и безъ пики. Это рационально доказалъ г. Золотаревъ:

«Главная сила кавалерійской атаки заключается въ ударѣ, производимомъ лошадьми. Какую же роль играетъ при этомъ пика? Мы ея не вполне понимаемъ. Атакующему эскадрону самое трудное — доскочать до неприятельскаго каре и выдержать первое столкновение съ неприятельской кавалеріей. Но если удалось миновать эту трудность, то есть, если пѣхота не удержала эскадрона мѣткимъ огнемъ, она штыкомъ не спасется отъ сабли, какъ и отъ пики. Въ кавалерійскомъ же дѣлѣ преимущество на сторонѣ того эскадрона, лошади у котораго сильнѣе и у котораго плотнѣе фронтъ.»

Въ пользу пики можно было бы сказать только, что она нравственно дѣйствуетъ чрезвычайно сильно на атакуемыхъ, что, однако, не доказываетъ еще невозможности совершить блистательную атаку и съ однѣми саблями. Изъ тысячи историческихъ примѣровъ, опровергающихъ подобное мнѣніе, самые свѣжіе: дѣйствія нашихъ драгунъ (изъ которыхъ только шесть эскадроновъ были пикинерными) въ Азіатской Турціи и англійскихъ — въ Крыму. Но главное значеніе, въ новѣйшее время, приобрѣтено драгунами вслѣдствіе ихъ способности замѣнять въ нѣкоторыхъ случаяхъ пѣхоту.

Если драгуны, какъ мнѣ кажется, будутъ преимущественно употребляемы для малой войны, аванпостовъ и дѣйствій пѣшкомъ, которыя изрѣдка будутъ встрѣчаться и кромѣ малой войны, то, по всей вѣроятности, имъ придется, въ будущія кампаніи, чаще употреблять въ дѣло штуцеръ, нежели саблю. Но главное пожеланіе драгуна должна постоянно составлять лошадь, а начальниковъ его — образовать изъ него отличнаго кавалериста, что гораздо труднѣе образованія отличнаго стрѣлка. Драгуны должны быть въ душѣ кавалеристы и пропитаны необходимою для успѣшнаго дѣйствія этого оружія молодецкою отвагою. Они не должны смотрѣть на своихъ лошадей какъ на одно только средство къ быстрому передвиженію съ одного мѣста на другое. Если подобное мнѣніе снова вкоренится въ драгунахъ, то недавняя слава ихъ оружія опять упадетъ, и они войдутъ въ старую свою колею: полу-кавалеристовъ и полу-пѣхотинцевъ. Слова графа Ностица (приведенныя г. Золотаревымъ); что драгуны никакъ не пѣхота, временно посаженная на лоша-

дей, а кавалерія, которая можетъ спѣшиться въ извѣстныхъ случаяхъ, должны составлять глубокое убѣжденіе каждаго изъ насъ. Драгуны, дѣйствительно, считались пѣхотою, посаженною на лошадей, и назначеніе это, въ которомъ преобладала пѣшая спеціальность, губило ихъ.

Въ мысли, что теперь штуцеръ есть оружіе, которымъ нашимъ драгунамъ предназначается чаще дѣйствовать, нежели саблюю, меня поддерживаетъ еще и тотъ фактъ, что, въ послѣднее время, обращено нашимъ правительствомъ особенное вниманіе на образованіе изъ драгунъ отличныхъ стрѣлковъ. Такъ, отъ драгунскихъ полковъ командируются, наравнѣ съ пѣхотными, офицеры въ Царскосельскую офицерскую стрѣлковую школу, для приобрѣтенія спеціальныхъ познаній по оружейной части; такъ, драгуны получаютъ теперь одинаковое со стрѣлковыми баталіонами количество припасовъ для практическихъ занятій стрѣльбою. При вкорененномъ въ драгунахъ кавалерійскомъ духѣ и при правильномъ назначеніи ихъ теперь для употребленія спѣшенными, обѣ спеціальности ихъ уравниваются съ успѣхомъ, чего собственно такъ долго и добивались. Этому оружію, долго заброшенному, съ появленіемъ новыхъ тактическихъ требованій, по всей вѣроятности, предстоитъ блестящее будущее.

Тактика говоритъ намъ, что въ легкой кавалеріи должны преимущественно служить люди сметливые, развитые. Исполняется ли у насъ это тактическое правило? Мнѣ кажется, что нѣтъ. Напротивъ того, пѣхотный солдатъ, имѣющій болѣе свободнаго времени, развитъ несравненно болѣе кавалерійскаго. Драгуны же, при теперешнемъ своемъ назначеніи, тѣмъ сильнѣе нуждаются въ исполненіи этого правила, что служба ихъ можетъ потребовать болѣе самостоятельнаго дѣйствія. Генералъ Жомини говоритъ о драгунахъ («Précis de l'art de la guerre», р. 394): «Нельзя, однако, не сознаться, что нужно хорошихъ начальниковъ и хорошихъ солдатъ, чтобы довести образованіе этого войска до желаемой степени совершенства». Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться; но у насъ не обращено на него должнаго вниманія, и драгунскіе полки комплектуются офицерами и солдатами точно такъ же, какъ и линейныя войска.

Стрѣлковыя баталіоны справедливо пользовались особеннымъ значеніемъ въ рядахъ всѣхъ армій, которое въ послѣднее время еще возрасло. Съ полученіемъ же наръзнаго оружія, значеніе драгунъ становится выше, какъ стрѣлковъ, имѣющихъ большое преимущество надъ пѣшими. Нашихъ драгунъ можно теперь, пожалуй, назвать конными стрѣлками. Значеніе стрѣлковыхъ баталіоновъ, не въ тактическомъ отношеніи, выразалось назначеніемъ туда лучшихъ людей и нѣкоторыми преимуществами по службѣ, весьма важными для солдата, какъ, на примѣръ, прибавкою жалованья. Но драгуны не пользуются даже и этими преимуществами.

Существуетъ между нами поговорка: «тяжела драгунская служба», употребляемая большею частью въ шутку, но имѣющая глубокое значеніе. Занятія драгунскаго солдата велики, не говорю о чисткѣ лошади, довольно сложной амуниціи, оружія, платья и проч., требующихъ уже много времени. Ему нужно умѣть отлично ѣздить, стрѣлять и волтижировать; иначе онъ весьма плохой драгунъ; затѣмъ нужно его развить физически посредствомъ гимнастики и фехтованія на обоихъ оружіяхъ, а нравственно—посредствомъ грамотности; наконецъ ему нужно дать и нѣкоторую пѣхотную выправку. При расположеніи на просторныхъ квартирахъ и при исполненіи всѣхъ этихъ обязанностей, ему остается весьма мало времени для отдыха.

Когда драгунскіе полки составляли отдѣльный корпусъ, то пользовались однимъ, чрезвычайно важнымъ для солдата преимуществомъ, именно: были расквартированы въ богатѣшихъ губерніяхъ Россіи, Курской и Воронежской, въ огромныхъ торговыхъ селахъ, гдѣ на каждаго солдата приходилось по десяти хозяевъ. Пищу люди получали отличную, почти роскошную, и это поддерживало ихъ во время усиленныхъ, изнурительныхъ служебныхъ занятій, такъ какъ въ то время требовали отъ драгунъ, какъ я выше замѣтилъ, отличной, вовсе имъ не нужной, пѣхотной выправки, которая утомляетъ солдата гораздо болѣе всѣхъ вновь введенныхъ упражненій, несмотря на то, что эти послѣднія долгие удерживаютъ его на учебномъ мѣстѣ.

Полагаю, что, для приведенія драгунскихъ полковъ въ лучшее состояніе, для того, чтобы они вполне соотвѣтствовали своему назначенію и наконецъ для самаго облегченія драгунскаго солдата, полки эти слѣдовало бы комплектовать, хотя на половину, отборными людьми, прослужившими уже въ кавалеріи.

или пѣхотѣ два или три года, и, по возможности, грамотными, такъ какъ обученіе ѣздѣ, стрѣльбѣ и грамотѣ (если только это послѣднее исполняется добросовѣстно) отнимаетъ наиболѣе времени. Затѣмъ слѣдовало бы дать и драгунамъ какія нибудь преимущества, за двойную службу, т. е. двойные труды, которыя они несутъ даже противъ кавалерійскихъ солдатъ, не говоря уже о стрѣлькахъ. Тогда, при расположеніи въ казармахъ или, по крайней мѣрѣ, на хорошихъ тѣсныхъ квартирахъ, при средствахъ, которыя даны полкамъ, они могутъ скоро представить собою, въ смыслѣ военнаго современнаго образованія и развитія, родъ войска, который не будетъ уступать нашимъ кавказскимъ драгунамъ и французскимъ коннымъ-егерямъ.

Полагаю еще, что, для того, чтобы драгуны были вполнѣ способны къ службѣ, для которой предназначаются, слѣдуетъ, по возможности, облегчить ихъ вооруженіе и обмундированіе: они должны перестать считаться среднею кавалеріею и составлять, напротивъ, самую легкую. Облегченіе нашего солдатскаго व्यюка одинаково необходимо для всей нашей конницы, и объ этомъ предметѣ уже такъ много писано, что я не могу сказать о немъ чего нибудь новаго; необходимость этого облегченія можетъ считаться аксіомой, но въ ней драгуны еще болѣе нуждаются, такъ какъ служба ихъ требуетъ частаго и быстраго слѣзанія и влѣзанія, что почти невозможно при теперешнемъ походномъ व्यюкѣ. Цѣль моя только указать ниже на необходимость нѣкоторыхъ измѣненій нынѣшняго вооруженія и обмундированія драгунъ, такъ какъ, по крайнему моему убѣжденію, основанному на собственномъ опытѣ, драгунскій солдатъ слишкомъ обремененъ своимъ вооруженіемъ и немного связанъ обмундированіемъ.

Воинъ только тогда способенъ къ войнѣ, когда онъ, кромѣ многихъ другихъ условій, удобно одѣтъ и когда вооруженіе его, удовлетворяя всѣмъ случаямъ войны, гдѣ можетъ быть употребленъ родъ войска, къ которому онъ принадлежитъ, тяготитъ его только до извѣстной степени, не истощая его тѣлесныхъ силъ, вмѣстѣ съ которыми упадаютъ и нравственныя. Кромѣ кирасиръ, обременительнѣе всѣхъ прочихъ войскъ во-

оружены драгуны, что совершенно не согласуется съ ихъ назначеніемъ.

Головной ихъ уборъ составляетъ каска, служащая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и предохранительнымъ оружіемъ и единогласно признанная неудобною; въ настоящее время она почти вездѣ уже отмѣнена. Польза предохранительныхъ головныхъ уборовъ сдѣлалась довольно сомнительною: если они въ нѣкоторыхъ, довольно, впрочемъ, рѣдкихъ, случаяхъ и предохраняютъ, за то все остальное время постоянно и несносно тяготятъ, своею тяжестью, солдата. Вообще назначеніе всякаго военнаго головнаго убора есть защита головы отъ зноя, холода, — словомъ, отъ перемѣнъ природы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ ударовъ, наносимыхъ ей какимъ бы то ни было оружіемъ, но, преимущественно, ударовъ саблею, сила которыхъ легче можетъ быть остановлена. Полагаю, что каска не удовлетворяетъ этимъ условіямъ. О первомъ условіи нечего и распространяться: въ этомъ отношеніи она дѣйствуетъ совершенно противно своему назначенію, потому что кожа и мѣдъ, нагрѣваясь на солнцѣ, передаютъ эту теплоту и головѣ, а зимою, также легко принимая холодъ, не защищаютъ ея отъ мороза. Кромѣ того, кожа ссыхается, и тогда необходимо много усилія и терпѣнія, чтобы носить ее. Другое назначеніе каски — защищать голову отъ ударовъ сабли. Въ послѣднее время вездѣ поняли, что такъ какъ болѣе вѣрныхъ защитъ: лѣтъ, шлема и т. п., носить всѣмъ войскамъ уже невозможно, а тѣ защиты, которыя носятъ, слишкомъ мало дѣйствительны, то лучшая защита отъ различныхъ ударовъ есть отбитіе ихъ. Слѣдствіемъ этого убѣжденія, мнѣ такъ кажется, было введено въ наши войска фехтовальное искусство, находящееся, впрочемъ, еще, по большей части, на весьма низкой степени, по крайней мѣрѣ въ арміи.

Эту низкую степень должно отнести къ методѣ обученія. Начиная съ азбуки, т. е. со стойки на мѣстѣ, шаговъ впередъ и назадъ, скачковъ, выпада и нанесенія простыхъ ударовъ, обучающій, привыкши къ старой методѣ, требуетъ исполненія этой азбуки не иначе, какъ по темпамъ, не столько обращая вниманіе на ловкое, развязное и разумное исполненіе людьми требуемаго, какъ на то, чтобы всѣ люди исполняли команду согласно, какъ ружейные приемы, отнюдь не теряя равенія и интерваловъ (большую частью эти упражненія исполняются цѣлою разомкнутою шеренгою). Затѣмъ, когда люди приобрѣтутъ уже навыкъ

въ исполненіи этихъ приемовъ, ихъ ставятъ въ двѣ шеренги, одну противъ другой, и, раздѣливъ на пары, съ тѣмъ же педантизмомъ учатъ нанесенію и отбиванію двойныхъ и болѣе сложныхъ ударовъ. Объ объясненіи же солдату употребленія каждаго удара въ извѣстномъ случаѣ, объ объясненіи ему самой цѣли фехтованія рѣшительно не заботятся. И вотъ солдаты полгода учатся фехтованію, на самомъ дѣлѣ ни разу не пофехтовавшись, а выучившись только довольно ловко дѣлать приемы палочкой и ружьемъ да прыгать и пристукивать въ тактъ. На цѣлый эскадронъ даютъ одну пару масокъ и эспадроновъ. Съ подобными средствами выучить людей фехтоваться довольно трудно; денегъ же на эти принадлежности, сколько мнѣ извѣстно, казною не отпускается, а предполагается, что онѣ дѣлаются собственными средствами полковъ. Дѣлать же этими средствами болѣе одной пары масокъ, эспадроновъ и ружей на каждый эскадронъ и для командъ, находящихся при полковомъ штабѣ, врядъ ли найдется у полковаго командира возможность. Такимъ образомъ, приходится каждое ученье восьми или девяти парамъ поколотить другъ друга отличнымъ образомъ, но уже не по темпамъ: нельзя назвать правильнымъ фехтованіемъ ударовъ, наносимыхъ съ плеча, безъ всякаго соблюденія правилъ, которыя долго показывались по темпамъ; а тутъ, гдѣ бы слѣдовало ихъ примѣнить къ практикѣ, совершенно забыты вслѣдствіе неумѣнья обучать. Остальные люди, не попавшіе въ число этихъ 18 человекъ, во время ученья фехтуются палочками, безъ масокъ, нанося удары другъ другу только примѣрно, что впрочемъ, въ минуты увлеченія, не всегда исполняется ими буквально. По моему мнѣнію, это гораздо болѣе знакомитъ ихъ съ сущностью дѣла и приносить болѣе пользы, чѣмъ безтолковая драка.

Нечего и упоминать, что цѣль фехтованія: развить ловкость и сметливость людей и выучить ихъ защищать себя, при подобной методѣ и средствахъ для обученія, достигается весьма неудовлетворительно. Главная причина этой неудовлетворительности, мнѣ кажется, та, что у насъ не обращено вниманія на образованіе инструкторовъ по этой части; а не будучи съ нею основательно знакомымъ, невозможно обучать другихъ: фехтованіе — чисто практическое искусство, къ которому нельзя приготовиться въ нѣсколько дней по какому нибудь руководству: необходимо изучить его съ толкомъ на практикѣ. Къ тому же, у насъ даже нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно, руководства для фехто-

ванія на сабляхъ, и остается только надѣяться, что Елизаветградское училище для кавалерійскихъ офицеровъ дастъ намъ дѣльныхъ инструкторовъ и подвинетъ впередъ фехтованіе на обоихъ оружіяхъ. Многіе полагаютъ, что фехтованіе на ружьяхъ лишнее для другана и въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится теперь, дѣйствительно, почти не приноситъ пользы.

Обратимся опять къ каскѣ.

Я понимаю, что каска, несмотря на свое неудобство, можетъ принести болѣе пользы, въ дѣлѣ, пѣхотинцу, защищая его отъ ударовъ саблею сверху, которымъ онъ и подверженъ болѣе кавалериста. Но вся армейская пѣхота уже избавлена отъ каски, и должно предполагать, что она оставлена въ нѣкоторыхъ войскахъ собственно для красоты, хотя эта послѣдняя болѣе, нежели весьма сомнительна. Солдатская наша каска вѣситъ, съ султаномъ, около пяти фунтовъ — тяжесть слишкомъ значительная для головнаго убора. Винтики, которыми держатся мѣдныя украшенія каски, давятъ голову; чешуи должны быть застегнуты какъ можно туже: иначе, на быстрыхъ аллюрахъ, она сваливается на затылокъ или на носъ. То же самое происходитъ и отъ самаго легкаго удара по шишаку, часто производимаго своею же собственною саблею при размахѣ, и во время боя заставляетъ теряться самаго храбраго солдата. Въ случаѣ самаго меньшаго вѣтра, если каска съ султаномъ, то рѣдкій человекъ, у котораго бы, послѣ двухчасоваго ученія, не болѣла два дня голова. Невольно приходитъ мысль: неужели для того, чтобы воевать и побѣждать, необходимо носить на головѣ подобную штуку, отъ которой постоянно болитъ голова и которая, Богъ знаетъ, защититъ ли когданибудь когонибудь изъ насъ? Въ одномъ нельзя не согласиться: на нѣкоторомъ разстояніи, фронтъ имѣетъ отличный видъ, грозный и воинственный, когда люди въ каскахъ. Но наружная грозность уже утратила большую часть своей силы, и войска наши должны быть страшны и сильны внутреннимъ своимъ благоустройствомъ, уже обладая всѣми физическими качествами для того, чтобы составлять лучшее европейское войско. Къ довершенію всѣхъ неудобствъ каски, мѣдныи ободокъ на козырькѣ ея рѣшительно мѣшаетъ драгуну, въ ясную погоду, вѣрному прицѣливанью. Подтверженіемъ моему мнѣнію о неудобствѣ, даже вредѣ, который каска наноситъ здоровью солдата, служитъ общій голосъ всѣхъ современныхъ военныхъ, русскихъ и прусскихъ, писателей, едино-

гласно и справедливо порицающихъ ее; особенно замѣчательнѣе отзывъ г. Обручева («Военный Сборникъ» 1858 г., № 4. «Изнанка крымской войны», стр. 437); въ защиту же каски не написано ни одной строки.

Теперь перехожу собственно къ оружію.

Вооруженіе драгуна составляетъ семилинейное драгунское нарѣзное ружье, недавно введенное вмѣсто прежнихъ гладкоствольныхъ, и шашка. Нарѣзные эти ружья тяжелѣе прежнихъ драгунскихъ ружей почти на полтора фунта и хотя выданы полкамъ собственно только для стрѣльбы, а для всѣхъ прочихъ занятій оставлены прежнія ружья, но должно предполагать, что, въ случаѣ кампаніи, драгунамъ придется возить эти нарѣзные ружья за спиною. Кромѣ оружія, тяжелаго и значительно обременяющаго кавалериста, они имѣютъ еще и тотъ важный недостатокъ, но, повидимому, упущенный изъ виду при введеніи ихъ въ нашихъ драгунскихъ полкахъ, что такъ называемыя *раздвижныя* гайки, соединяющія стволь съ ложемъ и бывшія на старыхъ ружьяхъ сплошными, тутъ стянуты винтиками, которые приходится къ спинѣ. Два верхніе не мѣшаютъ; но нижній, приходящійся, большею частью, немного выше задней, верхней лѣвой пуговицы, непременно будетъ портить платье, вмѣстѣ съ тѣмъ набивая и тѣло человѣку, отчего на этомъ мѣстѣ легко могутъ образоваться раны. Необходимо обратить на это вниманіе.

На правомъ плечѣ у драгуна лежитъ оружіе его: ружье, шашка, и принадлежности къ нему: ружейный чехолъ, шашечный (*), портупоя и штыкъ, что все вмѣстѣ вѣситъ до 22 фунт. На лѣвомъ плечѣ у драгуна виситъ патронташъ (подробно описанный въ приложеніи къ приказу г. военнаго министра отъ 15 іюля 1856 года, за № 154), большею частью еще не введенный или только что вводимый; по моему мнѣнію, онъ вполне соответствуетъ своему назначенію, и я о немъ больше ничего не скажу. Если ружье безъ чехла, то ремень, на которомъ оно виситъ, долженъ непременно обхватывать грудь человѣка натуго, а это обстоятельство еще значительно больше отягощаетъ его; въ противномъ случаѣ, оно будетъ болтаться, бить его по спинѣ во время ѣзды и соскакивать съ плеча.

(*) На шашку чехла не полагаются; но они заведены почти во всѣхъ полкахъ, для сбереженія ноженъ.

Скажу тутъ кстатѣ нѣсколько словъ о прикрѣпленіи этого погоннаго ремня. Онъ подтягивается и отпускается посредствомъ обыкновенныхъ крючковъ и петель, какіе пришиваются на воротники мундировъ. Полагаю, что на этотъ предметъ не имѣется опредѣлительнаго положенія (я его не могъ найти) и что петли эти есть болѣе солдатское изобрѣтеніе. Этотъ способъ прикрѣпленія чрезвычайно несовершенъ: петли и крючки часто ломаются, разгибаются и отрываются, такъ какъ ихъ даже и пришить нельзя хорошенько, насквозь, а можно только прихватить; иначе, оно будетъ замѣтно съ наружной стороны, а съ наружной стороны ничего не должно быть замѣтно такого, что не совсѣмъ правильно. Кромѣ того, этотъ способъ занимаетъ очень много времени для отстегиванія и пристегиванія, особенно на холодѣ, когда руки коченѣютъ; наконецъ, драгунскіе офицеры, вѣроятно, замѣтили, что каждое ученье (полковое) нѣсколько человѣкъ непремѣнно теряютъ свои ружья, которые нерѣдко находятся попорченными. На этотъ предметъ можно было не обращать вниманія, когда достоинство оружія цѣнилось по количеству наведеннаго на него глянца и сажки, употребленной на смазку ложа; но теперь слѣдовало бы, по возможности, отвратить подобныя паденія ружей, тѣмъ болѣе, что это очень немудрено: стѣдуетъ только дать драгунамъ двухстороннія пуговицы, роговыя или металлическія, въ родѣ охотничьихъ, которыя каждый солдатъ могъ бы пригнать себѣ на двѣ дыры: одну для пѣшого, а другую для коннаго строя. Въ пѣшемъ разсыпномъ строѣ, ремня даже незачѣмъ и подтягивать, такъ какъ онъ нисколько не мѣшаетъ быть отпущеннымъ.

Г. Золотаревъ («Военный Сборникъ» 1858 г., № 4, стр. 423) указываетъ на штыкъ, какъ на оружіе, совершенно лишнее для драгунъ, — войску, которому, дѣйствительно, *весьма рѣдко* приходится имѣть рукопашныя схватки пѣшкомъ, однако приходится же. Затѣмъ онъ добавляетъ: «Притомъ, въ рукопашномъ бою русскій солдатъ отлично дѣйствуетъ прикладомъ». Я не раздѣляю этого мнѣнія и не думаю, чтобы прикладъ могъ гдѣ нибудь замѣнить штыкъ. Нижегородцамъ случалось брать завалы штурмомъ и нападать врасплохъ на аулы; со мною согласятся, что въ подобныхъ случаяхъ, которые легко могутъ представиться и другимъ драгунскимъ полкамъ, штыкъ незамѣнимъ. Между нѣсколькими примѣрами, напомнимъ штурмъ заваловъ, за которыми скрылась партія Хаджи Мурата (7 апрѣля 1851 года), лейбъ

эскадронѣмъ этого полка, который велъ славный подполковникъ Золотухинъ, первый вошедшій на заваль и убитый, какъ говорятъ, самимъ Хаджи Муратомъ. Можно себѣ также представить, въ какое состояніе были бы приведены наши штуцера, если позволить людямъ, при удобномъ случаѣ, поработать прикладами. Скорѣе можно бы замѣтить, что, въ случаѣ необходимости вступить въ рукопашный бой, драгуны могли бы вынуть шашки и ими замѣнить штыкъ. Но и шашка, въ подобномъ случаѣ, уступаетъ штыку, и я думаю, что его слѣдуетъ оставить, какъ вещь не тяжелую, удобно носимую, а, между тѣмъ, могущую сильно понадобиться.

Кавалеристу вообще не слѣдуетъ связывать груди и плечъ чрезмѣрною тяжестью, потому что такъ онъ болѣе способенъ къ ловкому владѣнію конемъ и оружіемъ; даже наружный видъ его при свободѣ плечъ много выигрываетъ. У драгуна вся тяжесть вооруженія лежитъ на плечахъ и вмѣстѣ съ каскою тяготитъ ему грудь, спину и голову. Взгляните на отдѣльную фигуру драгуна на конѣ: уродливая и тяжелая каска заставляетъ его поневолѣ опустить голову; плечи оттянуты назадъ ружьемъ, и оттого это еще болѣе бросается въ глаза; лѣвая рука торчитъ на высоко навьюченной лукѣ и съ большимъ трудомъ, при помощи шенкелей, держитъ лошадь во сколько нибудь правильномъ поводу. Невольно эта фигура, нѣтъ того молодецкаго вида, какъ въ уланѣ и гусарѣ; а виною тому, болѣе всего, каска, которая, однако, носится нами для того, чтобы придавать эту воинственность.

Я имѣлъ честь служить, около года, въ теченіе минувшей войны, въ одномъ изъ полковъ сводной драгунской бригады, прикомандированной въ 1854 году къ кавказскому корпусу и вошедшей въ составъ отряда, дѣйствовавшего на Кавказско-Турецкой границѣ. Я былъ въ то время юнкеромъ и постоянно носилъ всю боевую солдатскую амуницію, а потому лучше многихъ, драгунскихъ же офицеровъ знаю и могу судить по собственному опыту о тяжести и обременительности ея. Драгунъ, подъ ея бременемъ, не воинъ, а труженикъ, носящій тяжесть на плечахъ и головѣ; онъ дѣлается почти неспособнымъ къ ловкому движенію, къ нанесенію ловкаго удара или къ отбитію его. Послѣ продолжительнаго перехода, особенно въ лѣтній зной, голова и плечи разболѣваются нестерпимо; во время самаго перехода сидишь на конѣ, какъ сонный, и мысль, какъ бы поскорѣе привалѣ

да какъ бы скорѣе хоть на минуту прилечь и отдохнуть, не выходить изъ головы. Мнѣ могутъ замѣтить, что пѣхотные солдаты носятъ же и болѣе значительную тяжесть, чѣмъ драгуны. Мнѣ кажется, что тамъ это составляетъ необходимость; да и то находятъ средства значительно облегчить его. Кромѣ того, пѣхотинецъ, сдѣлавши переходъ или вернувшись съ ученья, ложится и спокойно отдыхаетъ, такъ какъ всю его заботу составляютъ ружье и несложная амуниція. Кавалеристъ, напротивъ, едва сбросивъ ее, долженъ приготовить и очистить мѣсто для своего коня, потомъ отправляется, нерѣдко версты за двѣ и болѣе, за сѣномъ, да хорошо еще, если выпросить для этой надобности у своего хозяина подводу, но чаще носить сѣно на своихъ собственныхъ плечахъ (*). Не успѣлъ онъ пообѣдать, какъ кричать: «съ торбами!» т. е. за овсомъ, и опять предстоитъ ему порядочная прогулка. Едва вернулся — начинается чистка лошади, (часто двухъ), тамъ водопой, тамъ какая нибудь необходимая починка и чистка оружія, а тамъ — и ночь. Ночью одна часть людей назначается въ обходъ, а другая, оставшаяся при лошадяхъ, непременно встанетъ раза два для того, чтобы подложить корма, унять коней или поправить что нибудь. За часъ до восхода солнца солдатъ уже на ногахъ. Опять начинается чистка, тамъ опять «съ торбами», опять водопой, сдѣланье и выюченье, продолжающееся, при готовомъ выюкѣ, не менѣе получаса, и наконецъ напяливанье рейтузовъ и амуниціи. Выводный вахмистръ кричитъ: «выводить!» Выводить и строится сперва каждый взводъ отдѣльно, пока не соберутся всѣ люди; потомъ сводится весь эскадронъ вмѣстѣ, который, въ свою очередь, дожидаетъ командира. Отъ того времени, когда солдатъ уже совершенно готовъ къ выступленію, до самаго выступленія проходитъ не менѣе часа, а нерѣдко и болѣе. Когда эскадронъ наконецъ выступаетъ, то солдатъ часто уже утомленъ тяжестью амуниціи, и въ особенности каски, которая мучитъ его совершенно бесполезно, отнимаетъ свѣжесть у головы, а слѣдовательно и у всего тѣла. Но вотъ солдатъ сдѣлалъ переходъ верстъ въ 20 или 25, и опять ему предстоитъ трудъ, опять у него явтъ спокойнаго часа для отдыха. Кавалеристу и праздникъ не въ праздникъ: и въ Рождество и въ Свѣтлое Христово Воскресенье, не говоря уже о дру-

(*) Въ военное время возятъ сѣно на выюкахъ. Отчего бы этого не дѣлать и въ мирное?

гихъ праздникахъ, конь его долженъ быть и вычищенъ, и напоенъ, и выкормленъ. Я думаю, что драгуна непременно слѣдуетъ облегчить отъ обременяющихъ его, въ походѣ и на мѣстѣ, вещей, изъ которыхъ главнѣйшая — каска. Меня пойметъ тотъ, кто носилъ въ походѣ *солдатскую* каску.

Уже давно было указано на папахъ, какъ на лучшій для драгунъ головной уборъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на бивуакахъ, могущій служить солдату подушкой. Форменный папахъ, который носить наша кавказская армія, рѣшительно не имѣетъ красиваго вида. Если захотятъ соединить нѣкоторое удобство съ красотой, то слѣдуетъ ввести высокій папахъ, носимый горцами и линейными козаками, при чемъ полки, имѣющіе бѣлый докладъ, могли бы, пожалуй, имѣть и бѣлый мѣхъ на папахахъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что во время жары, походовъ и бивуачной жизни онъ скоро портится: заводится нечистота, шерсть сбивается комками, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, папахъ теряетъ всѣ свои достоинства. Мнѣ кажется, что маленькія шапки, которыя носить австрійская армія, или даже простыя фуражки, въ родѣ теперешнихъ офицерскихъ, были бы удобнѣе всего для драгуна. Кавалеристъ всегда найдетъ, на что прилечь на бивуакахъ: въ хорошую погоду—сѣно, обыкновенно имѣющееся при эскадронѣ, въ дурную—свое сѣдло, чемоданъ, попону, которая на ночь снимается... да и мало ли чего не найдетъ нашъ русскій солдатъ? Кромѣ легкости и удобства, такой головной уборъ избавилъ бы драгуна, и безъ того не имѣющаго свободной минуты, отъ особеннаго присмотра и чистки его и тѣмъ облегчилъ бы его и въ домашнемъ быту.

Ни одной изъ трехъ вещей, носимыхъ драгуномъ на плечахъ: ружья, шашки и патронташа, невозможно совершенно отбросить, да и пригнать иначе, кромѣ шашки, довольно мудрено. Португепя, употребляемая теперь въ драгунскихъ полкахъ и заимствованная у горцевъ, имѣетъ чрезвычайно много партизановъ; я самъ сознаюсь, что не будь у драгуна ружья, которое въ сомкнутомъ строѣ иначе, какъ за спиною, возить невозможно, то она была бы очень удобна. Соглашаюсь съ г. Золотаревымъ, что она лучшая изъ употребляемыхъ въ нашей кавалеріи, но, по моему мнѣнію, не въ такой степени удобна для человѣка, у котораго и безъ того на плечахъ десяти-фунтовое ружье въ трехфунтовомъ чехлѣ и довольно тяжелый патронташъ съ 40 боевыми патронами. Имѣть, какъ предлагаетъ г. Золотаревъ, вмѣсто патронташа, на-

патронники, по моему мнѣнію, неудобно потому, что они будутъ приходиться подъ ружейнымъ ремнемъ, который, значительнымъ своимъ напоромъ, будетъ беспокоить солдата; кромѣ того, быть можетъ, что 20 патроновъ слишкомъ мало для драгуна. Онъ находитъ также, что чехоль на наше ружье вещь лишняя, и доказываетъ это тѣмъ, что пѣхота обходится безъ чехла. Мнѣ кажется, что кавалеристу некогда такъ тщательно присматривать за ружьемъ, какъ пѣхотинцу; а новыя наши ружья необходимо требуютъ самаго добросовѣстнаго сбереженія. Поэтому, я полагаю, что чехоль необходимъ, но что его можно облегчить, выбросивъ подкладку. Кожу на чехлы слѣдовало бы употреблять лучшаго сорта—тогда они приносили бы больше пользы: не пропускали бы воды, что теперь частенько случается.

Остается пожелать, чтобы все вооруженіе драгуна, во вниманіе сложности и тяжести его, было, по возможности, облегчено, что особенно возможно въ ружьѣ, съ уменьшеніемъ калибра котораго уменьшится вѣсъ какъ его самаго, такъ и патроновъ.

Теперь скажу нѣсколько словъ объ обмундированіи.

Говорять и пишутъ, что армейское наше сукно слишкомъ грубо, неудобно и что пора бы замѣнить его лучшимъ сортомъ. Большая часть нашей арміи состоитъ изъ людей, вошедшихъ въ составъ ея изъ крестьянскаго сословія и привыкшихъ, слѣдовательно, къ грубому сукну, которое отлично защищаетъ ихъ отъ суроваго нашего климата; впрочемъ, для лѣта есть у насъ и легкая одежда—китель. Будучи юнкеромъ, я постоянно носилъ солдатское платье и до такой степени къ нему привыкъ, что мнѣ становилось какъ-то неловко, какъ будто слишкомъ легко, когда я надѣвалъ другое. Сукио должно бы быть только немного плотнѣе. Мнѣ кажется, что въ покроѣ полукафтана слѣдовало бы ввести нѣкоторыя маловажныя измѣненія, которыя придали бы ему болѣе ловкій видъ, а въ холодное время доставили бы солдату удобства. Такъ, воротникъ слѣдовало бы понизить на полъпальца, а рукава и грудь дѣлать свободнѣе, чтобы солдатъ могъ имѣть подъ полукафтаною нагрудникъ и, кромѣ того, надѣть двѣ рубахи, не слишкомъ стѣсняя себя этимъ. Самый видъ платья несравненно лучше, если оно сшито не въ обтяжку; а отпускаемаго сукна почти достаточно на это уширеніе. Галстухъ слѣдовало бы имѣть изъ тонкаго сукна. Высокій воротникъ и нынѣшній галстухъ часто натираютъ людямъ шею; послѣдній поми-

нотно вылѣзаетъ изъ-за воротника, потому что, по грубости своей, не можетъ быть акуратно пригнанъ. Кушакъ, закрывающій у уланъ и гусаръ португезю, для драгунъ совершенно лишній.

Рейтузы, или шаровары, какъ ихъ теперь называютъ, полагаются солдату на годъ. Они на холщевой подкладкѣ и въ частяхъ, обращенныхъ во время ѣзды къ лошади, обшиты кожей. Нижняго бѣлья нашимъ кавалеристамъ вовсе не полагается; но смѣло могу сказать, что большая ихъ половина имѣетъ собственное, спитое на послѣдній грошъ—лучшее доказательство, какъ вещь эта для нихъ необходима! Подкладка въ шароварахъ часто марается; въ ней заводится всевозможная нечистота, и солдатъ не въ состояніи избавиться отъ нея: для этого необходимо каждый разъ совершенно выпарывать ее, мыть и потомъ опять вшивать, что слишкомъ затруднительно при постоянныхъ его трудахъ. Для носящихъ же нижнее бѣлье, подкладка на шароварахъ дѣлается совершенно лишнею, даже обременительною. Кожа, нѣсколько стѣсня челоуѣка, что, впрочемъ, почти устраняется привычкою, весьма мало защищаетъ сукно, и если взять во вниманіе короткій срокъ, назначенный шароварамъ, то можно быть увѣреннымъ, что они исправно выслужатъ его и безъ помощи кожи. Недавно (приказъ г. военнаго министра отъ 17-го января этого года, за № 15) кавказскимъ драгунамъ отмѣнены кожа и подкладка на шароварахъ, а взамѣнъ ежегодно отпускается пара нижняго бѣлья. Мнѣ кажется, что мѣра эта, въ практичности которой убѣдились на боевомъ опытѣ, была бы одинаково полезна для всей нашей кавалеріи, но въ особенности для драгунъ, облегчая имъ, кромѣ того, быстрое влѣзанье и совершенно не стѣсня пѣшкомъ.

Замѣненіемъ каски болѣе легкимъ и удобнымъ головнымъ уборомъ, облегченіемъ оружія и амуниціи, отмѣною кожи и подкладки на шароварахъ (о вьюкѣ не упоминаю), драгуны будутъ чрезвычайно облегчены. Я увѣренъ, что драгуны въ рыцарскомъ своемъ уборѣ и на ужасныхъ вьюкахъ не приобрѣтутъ, безъ ущерба для себя, требуемой современною тактикою подвижности, не перестанутъ быть среднею кавалереію и не принесутъ ожидаемой пользы.

Кончая свои замѣтки, я укажу на два, совершенно, впрочемъ, разнородныя постановленія, сильно устарѣвшія и, между тѣмъ, почти ежедневно примѣняемыя къ дѣлу.

449 ст. Св. Военн. Пост. 4-й части 4-й книги говоритъ: «Кавалерійскихъ строевыхъ лошадей слѣдуетъ ковать всегда только подъ переднія ноги, развѣ когда заднія копыта у нѣкоторыхъ лошадей будутъ необходимо того же требовать; въ послѣднемъ случаѣ дозволяется ковать и заднія ноги, при чемъ наблюдать» и проч. Затѣмъ примѣчаніе къ 450 ст. говоритъ: «Въ военное время, при движеніи кавалеріи по каменистымъ и вообще неудобнымъ мѣстамъ, лошади подковываются кругомъ, по особому распоряженію главнокомандующаго, на счетъ экстраординарной суммы.» Каждый кавалеристъ знаетъ, что главная задача выѣздки нашихъ верховыхъ лошадей состоитъ въ томъ, чтобы уравновѣсить задъ лошади съ передомъ, или, какъ обыкновенно выражаются, посадить ее на задъ. Каждому, слѣдовательно, также извѣстно, что главную тяжесть конь долженъ нести на заднихъ ногахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и копыта ихъ подвержены болѣе порчѣ, чѣмъ переднихъ. Правда, рогъ на заднихъ копытахъ обыкновенно лучше, чѣмъ на переднихъ; но очень много лошадей страдаютъ вслѣдствіе исполненія этого закона: сильно подбиваются, нѣкоторыя даже получаютъ шпаты; другимъ это и не приноситъ особеннаго вреда, но замѣтно, что онѣ подъ сѣдокомъ не ступаютъ такъ смѣло и бодро, какъ подкованныя. Въ походѣ большая часть лошадей, не кованныхъ на задокъ, ступаетъ задними ногами, какъ будто на носокъ, потому что стрѣлка все-таки находится въ болѣе или менѣе раздраженномъ состояніи. Не знаю также, почему ноги нашихъ коней должны быть болѣе сохраняемы въ военное время, чѣмъ въ мирное, особенно при значительныхъ передвиженіяхъ, нерѣдко дѣлаемыхъ осенью, по гололедицѣ. Впрочемъ, всѣ благомыслящіе эскадронные командиры подковываютъ къ кампаменту и къ походу свои эскадроны кругомъ, и мѣра эта одинаково необходима для всѣхъ. Денегъ, отпускаемыхъ на ковку (20 к. сер. на лошадь въ годъ), при всевозможной экономіи, недостаточно (въ безлѣсныхъ мѣстахъ, гдѣ расположена большая часть нашей кавалеріи, однихъ угольевъ выйдеть почти на всю сумму), а потому полгода наши лошади ходятъ вовсе некованными, именно зимою, когда подкова гораздо нужнѣе; оттого происходятъ частыя паденія лошадей въ манежѣ и переломы рукъ и ногъ людей. Не думаю, чтобы

эта статья закона существовала съ цѣлью сбереженія государству весьма незначительной суммы; скорѣе для предохраненія людей отъ сильныхъ ушибовъ лошадьми. Но ремонтная лошадь, прослуживши годъ, много полтора, совершенно осваивается, и вообще ушибы эти рѣже ушибовъ отъ паденія вмѣстѣ съ лошадью; разумѣется, что молодыхъ и строптивыхъ лошадей ковать на задокъ опасно.

Существуетъ также постановленіе, чтобы, при извѣстной формѣ, всѣ люди, брюнетъ ли онъ, или блондинъ, непременно намазывали себѣ усы и бакенбарды *черной* фаброй, или, какъ это обыкновенно дѣлается, просто сажей, перемѣшанной съ саломъ, а иногда, за неимѣніемъ его, и съ водою. Кавалеристъ, готовясь къ смотру или параду, обыкновенно разводитъ сажу въ какомъ нибудь сосудѣ, смазываетъ ею копыта своего коня да ужъ заодно и собственные свои усы. Въ эскадронѣ, въ которомъ я теперь служу, есть взводный вахмистръ, круглый блондинъ, молодецъ изъ себя, какъ выражаются солдаты, и съ огромными, совершенно свѣтлыми бакенбардами. Каждый разъ, передъ парадомъ, намъ трудно на него взглянуть безъ смѣха, да и самому ему смѣшно. Изъ блондина онъ преобразовывается въ какого-то пѣгаго, потому что волосы на головѣ остаются бѣлыми, глаза свѣтло-голубыми, а усы и бакенбарды превращаются въ черные и походятъ на фальшивые, надѣтые для шутки; вся фізіономія перемѣняется. Обычай этотъ до такой степени уже устарѣлъ и укоренился, что смѣшная сторона его почти не обращаетъ на себя вниманія нашего начальства. Нужно надѣяться, что онъ современемъ будетъ выведенъ, и солдату дозволять щеголять своей природной красотой и молодецкимъ видомъ, не уродуя его грубыми, насильственными прикрасами. Каждый изъ нихъ найдетъ, чѣмъ придать лучшій видъ своимъ усамъ, и не прибѣгая къ смазыванію сажею.

Въ заключеніе прошу читателя извинить, если я не сумѣлъ лучше передать ему моихъ мыслей, основанныхъ не на книжной учености, а на простомъ взглядѣ на положеніе и состояніе драгунъ, на собственномъ небольшомъ опытѣ, прибрѣтенномъ въ военное время. Армейскому офицеру, квартирующему со взводомъ въ бѣдной и глухой деревушкѣ или шатающемуся съ пол-

комъ изъ одного конца Россіи въ другой, очень рѣдко приходится братья за перо, да и то только, чтобы написать рапортъ полковому командиру, росписку жиду да нѣсколько разъ въ годъ письмо домой (обыкновенно съ просьбою о присылкѣ денегъ). Пользуюсь изданіемъ «Военнаго Сборника», безспорно оживившаго нашу скучную, однообразную апатическую жизнь въ мирное время, чтобы передать эти мысли моимъ товарищамъ по оружію, въ надеждѣ, что, быть можетъ, онѣ будутъ разсмотрѣны и пополнены человѣкомъ, болѣе меня свѣдущимъ.

К. ДЕГЛОВЪ.
